

Дмитрий Бак

Литература в тылу и на фронте

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне литературные музеи России и стран Содружества Независимых Государств подготовили немало интересных и разнообразных выставочных проектов. Однако выставка Государственного музея истории российской литературы имени В.И.Даля представляет собой нечто совершенно особенное. Она называется «Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941—1944» и посвящена судьбе наших писателей, их родных и близких, осенью 1941 года оказавшихся «далеко от Москвы» - в Чистополе, Ташкенте, Алма-Ате и в других городах, которым было суждено стать центрами культурной жизни страны, войти в ее литературную летопись.

Выставка открылась 17 марта, за полтора месяца до праздника Победы в выставочных залах отдела ГМИРЛИ имени В.И.Даля в Трубниковском переулке, в Доме Ильи Остроухова, принимавшем в последние годы многие громкие выставочные проекты — от масштабной российско-германско-швейцарской выставки «Рильке и Россия» до выставок к 125-летним юбилеям Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама и Марины Цветаевой.

Особый цикл проектов в Доме Остроухова посвящен отечественной литературной жизни XX столетия, так называемого «советского периода». Эти выставки объединены общей амбициозной задачей: избегая крайностей апологетики или тотального развенчания нашего национального прошлого, впервые представить средствами музейной экспозиции всеобъемлющую историю развития литературы. В цикл входили выставки о 1920-х и 1930-х годах («Квартирный вопрос», «Литературные войны: РАПП и попутчики») — и вот теперь «Ноев ковчег», 1940-е, переход от войн литературных к Великой войне «не ради славы, ради жизни на земле».

Все выставки историко-литературного цикла объединены одним важнейшим фактором: их куратор — Наталья Громова, филолог и писатель, досконально знающий подробности литературной жизни советского времени, посвятивший этой теме несколько десятилетий жизни. Среди многочисленных документальных повествований и архивных разысканий Н.Громовой книги об эвакуации занимают особое место,* в них воссоздаются сложнейшие перипетии жизни людей, внезапно оторванных от родного дома, посреди огромной страны, которую многие из них прежде знали весьма поверхностно, бегло...

Выставка открылась накануне карантина, введенного в Москве из-за пандемии коронавирусной инфекции. Вместо торжественного открытия, громкого вернисажа с участием многих гостей, в том числе потомков героев выставки, музей был вынужден

* Громова Н. «Дальний Чистополь на Каме...». Писательская колония: Москва — Чистополь — Елабуга — Москва. М.; Елабуга: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005; Громова Н. Эвакуация идет... 1941—1944. Писательская колония: Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Совпадение, 2008.

НОЕВ КОВЧЕГ ПИСАТЕЛЕЙ. ЭВАКУАЦИЯ 1941–1944

Литература в тылу и на фронте

Экспозиция выставки Государственного литературного музея им. В.И. Даля

Хамид Алимджан

Ташкент, октябрь 1936 г. Фото П. Падрова/

Х. Алимджан (1909—1944) — узбекский поэт, драматург, литературный критик. Его стихи и поэмы вошли в канон национальной поэтической классики XX столетия. В 1939 году Алимджан становится ответственным секретарём Союза писателей Узбекистана и остаётся на этом посту до своей гибели в 1944 году в автокатастрофе.

Из собрания Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля

Николай Асеев, Мария Петровых, Илья Сельвинский, Борис Пастернак.
Фотография сделана в Чистополе. Салон Авдеева.

Из частного собрания

Анна Ахматова
(место эвакуации — Ташкент)
Фото В.В. Виноградова, 1940 г.

*Из собрания Государственного музея
истории российской литературы
имени В.И. Даля*

Писатели в эвакуации.

Сидят: Корней Чуковский (первый слева),
Борис Лавренев (третий слева),
Иосиф Уткин (четвертый слева), в светлом костюме,
Михаил Голодный (первый справа).

Ташкент, 10.04.1942 г.

Из собрания Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля

Владимир Луговской
(место эвакуации — Ташкент)

*Из собрания Государственного музея
истории российской литературы
имени В.И. Даля*

Валентин Берестов
(место эвакуации — Ташкент)
Фото 31 марта 1946 г.

*Из собрания Государственного музея истории российской
литературы имени В.И. Даля*

Виктор Шкловский
(место эвакуации — Алма-Ата)
Фото В.И. Славинского, 1941 г.

Из собрания Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля

Михаил Зоценко и Николай Черкасов
Фото 1937—1940 гг.

М. Зоценко был сценаристом
на Алма-Атинской киностудии

*Из собрания Государственного музея истории
русской литературы имени В.И. Даля*

Алексей Толстой
(место эвакуации — Ташкент)
Самарканд, 1942 г.

*Из собрания Государственного музея истории
русской литературы имени В.И. Даля*

Арсений Тарковский и Александр Твардовский
Фото 1943 года, г. Орёл.

Тарковский ушел на войну из Чистополя. В Чистополе остались эвакуированные семьи А.Твардовского и А.Тарковского.

Из собрания Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля

Мария Белкина
(место эвакуации – Ташкент)

Из частного собрания

Военные корреспонденты на привале. Слева направо: Павел Трошкин, Евгений Кригер (лежит), Константин Симонов (прикуривает), Оскар Курганов (Эстеркин), Алексей Сурков (справа, в фуражке).
Смоленская обл., июль 1941 г. Фото П.А. Трошкина.

Из собрания Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля

Марина Цветаева
(место эвакуации — Елабуга)

Из частного собрания

Экспозиция выставки

провести только пресс-показ для узкого круга журналистов. Несмотря на закрытие столичных музеев, выставка продолжает жить, она привлекает внимание многих знатоков и любителей российской словесности. Лекции, кураторские экскурсии, оперативно снятый и показанный на федеральном «культурном» канале фильм — все это помогает преодолеть те препятствия и лишения, которые нежданно настигли всю культурную индустрию России и других стран.

Но, впрочем, главное даже не в этом, не во вновь открываемых технологических возможностях посещения выставок за закрытыми дверями музеев.

Есть своя символика, неожиданный параллелизм между обстоятельствами открытия и работы выставки в Трубниковском переулке, с одной стороны, и судьбами ее героев — с другой. В эвакуацию отправились мирные московские жители, члены писательских семей: матери, жены, дети, совершенно не готовые к перемене участи, спустя несколько дней и недель оказавшиеся в новых тяжелых условиях повседневного существования, которые ранее невозможно было вообразить.

Открывает экспозицию Москва первых недель войны. Фотографии и документы о знаменитой «писательской роте», в составе которой оказались Александр Бек и Рувим Фраерман, Георгий Шторм и Юрий Либединский, Даниил Данин и Борис Рунин, Сергей Островой и Владимир Тренин... Рядом — изображения писательского дома в Лаврушинском переулке и других московских зданий, на крышах которых дежурили те, кто пытался спасти родной кров от зажигательных бомб.

И в этом, и в следующих залах внимание привлекает не только разнообразие и уникальность представленных экспонатов из фондов ГМИРЛИ имени В.И.Даля, Дома-музея Марины Цветаевой, Музея кино, а также из собраний Н.Е.Шкловского и Н.А.Громовой. Огромное впечатление производит дизайн выставки, разработанный известным художником Марией Утробинной. Основной материал первых залов — картон, метафорически обозначающий хрупкость, нестойкость, уязвимость жизненных условий сотен людей, которые добирались до мест эвакуации медленными поездами и речными судами. Уже во время этих нелегких путешествий со многими происходили неожиданные события, жизнь открывалась с ранее неведомых сторон.

В мемуарах одной из попутчиц Анны Ахматовой сохранены ее слова, произнесенные ночью в тесной корабельной каюте: «Такая огромная страна... Такая огромная война... <...> Она перевернет мир, эта война, переделает всю нашу жизнь... <...> Смотрите, как она срывает все камуфляжи, обнажает все безобразное, чтобы люди их увидели, поняли, возненавидели, уничтожили... Такая война! И как она трезво и точно определяет, что к чему и кто есть кто...» Точнее не скажешь! С одной стороны — голод, неуют, постоянное чувство опасности, тревоги за мужей, которые на фронте. С другой — ощущение подлинной жизни, близости природы (об этом писал Борис Пастернак!), парадоксальное ощущение относительной свободы от диктата писательского «руководства», цензурного давления чиновников от Союза писателей. Как раз Пастернак и Ахматова — главные герои двух следующих выставочных залов, посвященных жизни писательской диаспоры в легендарном Чистополе и в более далеком и более теплом Ташкенте.

«Дальний Чистополь на Каме» стал одной из «столиц» писательской эвакуации. Здесь оказалась семья Арсения Тарковского, который впоследствии запечатлел многие подробности этой, конечно, отнюдь не столичной жизни. На выставке представлена скромная самодельная тетрабочка из пожелтевшей бумаги, именно в ней впервые был записан поэтический цикл Тарковского, известный под названием «Чистопольская тетрадь», а в те годы носивший иное название — «Камская тетрадь». Тарковский после упорных хлопот ушел на фронт, но до самого своего тяжелого ранения ощущал себя частью и этой, чистопольской жизни тоже. В небольшом городке тогдашней Татарской АССР больший или меньший период времени провели многие известные литераторы: Леонид Леонов и Константин Федин, Александр Твардовский и Алек-

сандр Фадеев. Вместо официальных отношений, связывавших многих писателей, находившихся на разных ступенях советской литературной иерархии, возникали симпатии, дружбы, завязывались романы. Несмотря на порою нечеловеческие условия жизни, проходили вечера, читались новые произведения — заново складывались литературные репутации. Так, именно в чистопольской писательской колонии взошла звезда крупного русского поэта Марии Петровых, впоследствии в мирное время не получившего должного признания. Рассказывает экспозиция выставки и о трагической судьбе Марины Цветаевой, в это же время мучительно и безуспешно пытавшейся выжить недалеко от Чистополя, в Елабуге, вместе с сыном Георгием Эфроном, любимым и таким сложным, взрослым не по годам Муром, так и не сумевшим в те страшные дни найти общий язык с матерью, находившейся в крайнем душевном истощении.

В следующем зале — иная, светлая, пестрая цветовая гамма, другие герои — Анна Ахматова и Надежда Мандельштам, Елена Сергеевна Булгакова и Корней Чуковский, Борис Лавренёв и Владимир Луговской. Более «артельная», домашняя жизнь, но те же лишения, голод, тревога, торопливое и вместе с тем глубокое человеческое общение...

Соседний зал тоже оформлен в солнечных ярких тонах, здесь центральное место занимают работы замечательного художника, ученика Филонова — Павла Зусмановича, в военные годы жившего в Алма-Ате, еще одной среднеазиатской столице, куда были эвакуированы крупнейшие советские киностудии. Здесь, в Казахстане во время войны работали крупнейшие режиссеры и литераторы: Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин, Виктор Шкловский, сюда приезжал Константин Симонов...

Очень важно отметить тот осязаемый импульс, оживление творческой — литературной, художественной, музыкальной — жизни, которое привнесла писательская и кинематографическая эвакуация в советские республики — Казахстан и Узбекистан. Заводились знакомства, налаживались творческие связи, возникали новые замыслы. Сколь бы теоретическими и абстрактными ни казались лозунги и девизы советской эпохи: интернационализм, дружба народов — но в военное время, помимо официальных высоких слов, все это существовало в действительности, давало зримые плоды.

...Впереди была Победа, потом — тяжелые послевоенные годы, крах многих надежд. Об этом будет следующая выставка авторского проекта Натальи Громовой. А выставка «Ноев ковчег» завершается залом, где целую стену занимают смятые, покрытые слоем краски чемоданы, дорожные саквояжи, портфели, символизирующие тяжкий и радостный путь возвращения в родные места.

Для всех, кто вложил свой труд в создание выставки «Ноев ковчег», очень отраднo, что с некоторыми ее материалами могут познакомиться читатели юбилейного номера журнала «Дружба народов», вышедшего в дни, когда отмечается 75-летие Великой Победы.